

ПИСЬМА
А. П. ЧЕХОВА.

Томъ I.
(1876 — 1887).

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

ИЗДАНИЕ М. П. ЧЕХОВОЙ.
МОСКВА.
1912.

Внизу: бабушка А. П., Ефросинья Емельяновна, дѣдъ, Егоръ Михайловичъ, тетка, Людмила Павловна.

Вверху: мать, Евгения Яковлевна, отецъ, Павелъ Егоровичъ, дядя Митрофанъ Георгиевичъ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(1860—1887).

Антонъ Павловичъ Чеховъ родился 17 января 1860 года въ г. Таганрогѣ, въ домѣ, бывшемъ Гнутова, а нынѣ № 47, по Чеховской (прежде Полицейской) улицѣ. Домикъ этотъ цѣль еще и теперь и находится въ глубинѣ двора, какъ разъ противъ воротъ ¹⁾. Дѣтство Антона Павловича протекло въ домѣ Мойсеева,

¹⁾ О томъ, что Антонъ Павловичъ родился въ этомъ именно домѣ удостовѣряютъ мать писателя Евгения Яковлевна и тетка Марѳа Ивановна Морозова, нынѣ еще здравствующія.

на Монастырской улицѣ, а отрочество въ собственномъ домѣ его отца на Елисаветинской улицѣ.

Какъ говорится въ семейной лѣтописи, оставленной отцомъ Антона Павловича, дѣдъ писателя былъ крѣпостнымъ у Черткова, отца того самого Черткова, имя котораго часто упоминается въ связи съ именемъ Л. Н. Толстого. Еще задолго до эмансипаціи, а именно въ 1841 г., дѣдъ Антона Павловича выкупилъ все свое семейство на волю за 3500 руб., по 700 р. за душу, причемъ дочь Александру получилъ въ придачу. Онъ жилъ тогда въ с. Ольховаткѣ, Воронежской губ., Острогожскаго уѣзда; купивъ же свободу, переселился въ Область Войска Донского и долгіе годы былъ управляющимъ въ имѣніяхъ извѣстнаго героя 1812 г., графа Платова.

Отецъ писателя Павелъ Егоровичъ былъ одареннымъ человѣкомъ. Съ самаго ранняго дѣтства онъ имѣлъ пристрастіе къ пѣнію и музыкѣ. По указанію той же семейной лѣтописи, въ 1834 г. онъ учился пѣть по нотамъ у какого-то дьячка Остапа, въ 1837 г. онъ уже игралъ на скрипкѣ. Въ 1840 г. Павелъ Егоровичъ изучалъ сахароваренье на заводѣ Гирша. Отличаясь высокой честностью, онъ шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ былъ посланъ этимъ Гиршемъ въ Москву съ большими деньгами и все время ѣхалъ съ гуртомъ скота, что, вѣроятно, и дало поводъ нѣкоторымъ біографамъ думать, что онъ былъ прасоломъ. Въ 1844 г. Павелъ Егоровичъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Таганрогъ, гдѣ сталъ заниматься по конторской части (у Кобылина), пока наконецъ не открылъ въ 1857 г. своей собственной торговли колоніальными товарами, каковую и продолжалъ до самаго своего переселенія въ Москву, а именно до 1876 г. Будучи таганрогскимъ второй гильдіи купцомъ, Павелъ Егоровичъ принималъ дѣятельное участіе въ городскихъ дѣлахъ и въ то же время, въ ущербъ своему соб-

Евгенія Яковлевна Чехова въ 1855 году.

ственному дѣлу, увлекался церковнымъ пѣніемъ, дирижировалъ хоромъ, игралъ на скрипкѣ и иногда рисовалъ. Рисованная имъ икона св. Іоанна Богослова и теперь еще цѣла и находится въ ялтинскомъ домѣ Антона Павловича, въ его кабинетѣ.

29 октября 1854 г. Павелъ Егоровичъ женился въ Таганрогѣ на дѣвицѣ Евгеніи Яковлевнѣ Морозовой, матери писателя. Она родилась въ Моршанскѣ и была дочерью интеллигентнаго для того времени купца-суконщика, разѣзжавшаго со своими товарами по всей Россіи и наконецъ основавшагося навсегда въ Таганрогѣ. Онъ былъ принятъ въ лучшее общество и

любили иностранцевъ, которые называли его «Мосье Морозѡвъ». Евгенія Яковлевна умѣла хорошо рассказывать о своемъ путешествіи черезъ всю Россію, которое она совершила, еще будучи ребенкомъ, и всѣ ея дѣти, въ томъ числѣ и Антонъ Павловичъ, очень любили слушать ея рассказы. Ея пѣжный, тихій нравъ, несомнѣнно, достался въ наслѣдство и будущему писателю.

Желая, главнымъ образомъ по настоянію жены, дать своимъ дѣтямъ образованіе какъ можно лучше, Павелъ Егоровичъ прислушивался, какое учебное заведеніе въ Таганрогѣ пользуется наибольшей популярностью, и, настроенный мѣстными греками, отдалъ Антона Павловича въ таганрогскую греческую школу. Это было тогда учрежденіе съ анекдотическимъ преподаваніемъ, и черезъ два года Антонъ Павловичъ былъ взятъ оттуда и переведенъ въ мѣстную классическую гимназію. О пребываніи писателя въ этой греческой школѣ въ семейныхъ воспоминаніяхъ ничего достовѣрнаго, кромѣ всевозможныхъ курьезовъ и анекдотовъ, не осталось.

Семья Павла Егоровича была обычной патріархальной семьей, какихъ много было полвѣка тому назадъ въ провинціи. Отецъ былъ требователенъ и строгъ, но это вовсе не мѣшало семьѣ жить въ такой завидной дружбѣ, какую рѣдко встрѣтишь теперь. День начинался и заканчивался трудомъ. Всѣ въ домѣ вставали рано, мальчики шли въ гимназію, возвращались домой, учили уроки; какъ только выпадалъ свободный часъ, каждый изъ нихъ занимался тѣмъ, къ чему имѣлъ способность: старшій Александръ устраивалъ электрическія батареи; Николай рисовалъ, Иванъ переплеталъ книги, а будущій писатель сочинялъ. Приходилъ вечеромъ изъ лавки отецъ, и начиналось пѣніе хоромъ: Павелъ Егоровичъ любилъ пѣть по нотамъ и приучалъ къ этому

и дѣтей. Антошъ Павловичъ пѣлъ альтомъ. Кромѣ того, Павелъ Егоровичъ вмѣстѣ съ сыномъ Николаемъ разыгрывалъ по вечерамъ дуэты на скрипкѣ. Евгенія Яковлевна, вѣчно занятая, суетилась въ это время по хозяйству или обшивала на швейной машинѣ дѣтей. Всегда заботливая, любвеобильная, она, несмотря на свои тогда еще сравнительно молодые годы, отказывала себѣ въ ничтожномъ удовольствіи и всю свою жизнь посвящала для дѣтей. Убѣжденная противница крѣпостничества, она рассказывала своимъ дѣтямъ о всѣхъ несправедливостяхъ и бѣдахъ крѣпостного права и внушала дѣтямъ любовь и уваженіе не только ко всѣмъ, кто былъ ниже ихъ, но и къ маленькимъ птичкамъ и животнымъ и вообще ко всѣмъ беззащитнымъ существамъ. Вотъ почему Антошъ Павловичъ и говаривалъ въ послѣдствіи своимъ друзьямъ: «талантъ въ насъ со стороны отца, а душа со стороны матери».

Каждую субботу вся семья отпраплялась ко все-нощной и, возвратившись изъ церкви, еще долго пѣла у себя дома канонъ. Курилась кадильница, отецъ или кто-нибудь изъ сыновей читалъ икосы и кондаки, и послѣ cadaго изъ нихъ всѣ хоромъ пѣли стихиры и ирмосы. Утромъ шли къ ранней обѣднѣ, послѣ которой дома всѣ, также хоромъ, пѣли акаеистъ.

Любитель пѣнія, Павелъ Егоровичъ организовалъ изъ дѣтей правильный хоръ и пѣлъ съ нимъ въ церкви мѣстнаго дворца (въ которомъ въ 1825 г. жилъ и умеръ Александръ I). Здѣсь служба совершалась только въ Страстную недѣлю, въ первый день Пасхи, на Вознесеніе и Троицу. Здѣсь-то и пришлось будущему писателю изучить всю церковную службу и пѣть вмѣстѣ со своими братьями. Утвержденіе нѣкоторыхъ біографовъ, что онъ пѣлъ во дворцѣ вмѣстѣ съ кузнецами, невѣрно, такъ какъ кузнецы здѣсь вовсе не пѣли.

Въ серединѣ семидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія была проведена желѣзная дорога изъ Ростова-на-Дону во Владикавказъ, и это сразу уронило въ торговомъ отношеніи Таганрогъ. Всѣ обороты родного города Антона Павловича перешли къ сосѣднему Ростову, и дѣла Павла Егоровича пошатнулись. Онъ перевелъ свою торговлю изъ насиженного гнѣзда въ домъ Моисеева въ ряды на Новый базаръ, но здѣсь дѣла пошли еще хуже. Чтобы избѣжать платы за наемную квартиру, Павелъ Егоровичъ затѣялъ постройку своего собственнаго дома въ кредитъ (теперь это Еврейская богадѣльня), и это окончательно подрѣзало его дѣла. Къ тому же любовь къ пѣнію, къ посѣщенію церквей и служба по общественнымъ выборамъ отнимали у него слишкомъ много времени. Онъ посылалъ иногда вмѣсто себя въ лавку кого-нибудь изъ своихъ сыновей для «хозяйскаго глаза», начиная со старшаго Александра и кончая самымъ младшимъ — восьмилѣтнимъ Михаиломъ. Замѣняя отца въ лавкѣ, братья Чеховы не лишены были такихъ удовольствій, какія и не снились многимъ ихъ сверстникамъ, городскимъ мальчикамъ: они на цѣлые дни уходили на море ловить бычковъ, играли въ лапту, ѣздили въ деревню къ дѣдушкѣ, гуляли въ городскомъ саду, устраивали домашніе спектакли. Несмотря на сравнительную строгость семейнаго режима и, въ исключительныхъ случаяхъ, даже на тѣлесное наказаніе, обычное въ то время почти въ каждой провинціальной семьѣ, всѣ мальчики Чеховы, внѣ сферы своихъ прямыхъ обязанностей, пользовались большою свободой. Къ исполненію же обязанностей они были очень чутки, и о неповиновеніи волѣ отца или матери въ семьѣ не могло быть даже и рѣчи.

Антонъ Павловичъ былъ здоровымъ, головастымъ, подвижнымъ мальчикомъ, неистощимымъ на юморъ,

на затѣи. Среди братьевъ онъ былъ тогда самымъ талантливымъ на выдумки: онъ устраивалъ лекціи и сцены, кого-нибудь представляя или кому-нибудь подражая. Утвержденіе нѣкоторыхъ біографовъ, что онъ былъ «всегда нѣсколько вялъ и сыроватъ», не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ трудно было представить себѣ болѣе подвижного, веселаго мальчика, чѣмъ былъ онъ въ годы своего отрочества. Въ домашнихъ спектакляхъ Антоша-гимназистъ былъ главнымъ воротилой. Будучи еще дѣтми, братья Чеховы разыграли даже «Ревизора», въ которомъ Антонъ Павловичъ игралъ Городничаго. Устраивали спектакли и на малороссійскомъ языкѣ (про какихъ-то Чупруна и Чупруниху, при чемъ роль Чупруна игралъ Антоша). Одной изъ любимыхъ его импровизаций была сцена, въ которой градоначальникъ пріѣзжалъ въ соборъ на парадъ въ табельный день и становился посреди храма на коврики въ сонмѣ иностранныхъ консуловъ. Роль градоначальника исполнялъ Антоша. Въ гимназическомъ мундирчикѣ, съ дѣдовской старой шапкой черезъ плечо, онъ удивительно мѣтко схватывалъ черты градоначальника и затѣмъ производилъ смотръ воображаемымъ казакамъ. Старшій братъ Александръ въ это время уже не принималъ участія въ совмѣстной жизни семьи. Онъ считался уже большимъ, жилъ на сторонѣ — у директора гимназіи, а затѣмъ кончилъ курсъ, уѣхалъ въ Москву и съ тѣхъ поръ (съ 1875 года) не возвращался въ семью уже никогда. Уѣхалъ съ нимъ и братъ Николай, и такимъ образомъ молодое поколѣніе Чеховской семьи ограничилось только четырьмя членами, Антономъ, Иваномъ, Маріей и Михайломъ, изъ которыхъ Антонъ былъ теперь старшимъ и пользовался наибольшимъ авторитетомъ; имъ судьбой было предназначено не разставаться другъ съ другомъ

на долгое время, почти до самой середины девяностых годовъ.

По отъѣздѣ двухъ старшихъ братьевъ въ Москву Павелъ Егоровичъ сталъ едва сводить концы съ концами. Его дѣла окончательно упали. Теперь уже онъ не служилъ по выборамъ, не пѣлъ такъ часто на клиросѣ, хоръ его давно уже распался, и вся жизнь семьи потекла замкнуто, въ сравнительной бѣдности, въ собственномъ домѣ на Конторской улицѣ, на которомъ тяготѣли долги. Цѣлые дни для мальчиковъ проходили въ трудѣ. По вечерамъ Антоша веселилъ всѣхъ своими импровизаціями, или же всѣ дѣти слушали рассказы матери, тетки Оедосьи Яковлевны или няни, которая жила у Чеховыхъ долго и ушла только въ послѣдній годъ ихъ пребыванія въ Таганрогѣ. Это была превосходная женщина, умѣвшая удивительно рассказывать эпизоды изъ своей многоопытной жизни. Звали ее Агаѳья Александровна Кумская. Она была въ молодости крѣпостной извѣстныхъ на югѣ Иловайскихъ, была приставлена въ качествѣ подруги къ единственной дочери генерала Иловайскаго, совершила съ ней путешествіе, помогла затѣмъ этой дочери бѣжать изъ дому и выйти замужъ за какого-то барона, за что и была продана въ чужую семью. Она все больше повѣствовала о таинственномъ, необыкновенномъ, страшномъ и поэтическомъ, «Счастье» Антона Павловича безусловно написано подъ впечатлѣніемъ ея рассказовъ. Мастерница была рассказывать, и мать писателя — Евгенія Яковлевна, но она рассказывала своимъ дѣтямъ все больше о быломъ, какъ она дѣвочкой ѣхала въ тарантасѣ черезъ всю Россію—изъ Шуи, Влад. губ., въ Таганрогъ, какъ въ Севастопольскую войну Таганрогъ бомбардировали союзники и какъ трудно жилось крестьянамъ во времена крѣпостного права.

Разказы матери имѣли несомнѣнное вліяніе на развитіе дарованія будущаго писателя.

Въ 1876 году, въ апрѣлѣ, Павелъ Егоровичъ окончательно закрылъ свою торговлю и уѣхалъ въ Москву къ двумъ своимъ старшимъ сыновьямъ, изъ которыхъ одинъ былъ тогда студентомъ, а другой учился въ Училищѣ живописи и ваянія. Вслѣдъ за тѣмъ и домъ Чеховыхъ былъ проданъ съ банковскихъ торговъ Селиванову. Всю мебель увезъ за долгу одинъ изъ кредиторовъ, и Евгенія Яковлевна съ семьею осталась ни съ чѣмъ. Ваню и Мишу отправили на время къ дѣдушкѣ въ Платовскую деревню, и для 16-лѣтняго Антоши насталъ серьезный моментъ въ его жизни—онъ долженъ былъ замѣнить собой главу семьи въ моментъ ея полного развала.

Три мѣсяца спустя (24 іюля). Евгенія Яковлевна навсегда уѣхала изъ Таганрога въ мужу въ Москву, захвативъ съ собой Машу и Мишу. Антоша и Ваня были оставлены въ Таганрогѣ. Къ веснѣ Ваня тоже былъ выписанъ въ Москву, и Антоша остался совершенно одинъ. Такъ онъ и прожилъ здѣсь въ одиночествѣ цѣлые три года, самъ добывая себѣ средства къ существованію и продолжая свое образованіе въ гимназій, пока не окончилъ въ ней курса.

Объ этихъ трехъ годахъ его жизни, когда изъ отрока Антоши формировался юноша Антонъ Павловичъ, къ сожалѣнію, въ семейныхъ преданіяхъ сохранилось очень мало. Вѣрнѣе, никто въ переселившейся въ Москву семьѣ ровно ничего не зналъ объ Антонѣ Павловичѣ, кромѣ того, что онъ самъ ей о себѣ писалъ, а это не шло дальше обычнаго утѣшенія и нравственной поддержки съ обѣихъ сторонъ. Письма Антона Павловича отъ той эпохи почти не уцѣлѣли, оставшісь въ нѣдрахъ многочисленныхъ московскихъ квартиръ, которыя такъ часто мѣняли въ первые годы своей сто-

личной жизни бѣдствовавшіе таганрогскіе переселенцы. Всѣ эти три года Антонъ Павловичъ жилъ у Селиванова, купившаго съ торговъ Чеховскій домъ, и училъ его племянника, казака Кравцова. Несомнѣнно, что онъ совершалъ поѣздки на хуторъ въ этому Кравцову, посѣщалъ шахты, постройки желѣзныхъ дорогъ. Окончивъ курсъ гимназіи въ 1879 году, онъ пріѣхалъ въ Москву, уже умѣя мѣтко стрѣлять изъ ружья и отлично ѣздить на лошади. Ѣздилъ онъ и къ брату Селиванова—Ивану Пареевичу, у котораго въ имѣніи познакомился съ степной помѣщичьей жизнью. Ученикомъ VII и VIII классовъ Антонъ Павловичъ очень любилъ ухаживать за гимназистками, и когда его братъ Михайлъ былъ тоже гимназистомъ VII класса, то онъ рассказывалъ ему, что романы его были всегда жизнерадостны. Онъ часто посѣщалъ въ эти три года театръ, любилъ французскія мелодрамы (напр., «Убіиство Коверлей»), «Гамлета» и такіе фарсы, какъ «Маменькинъ сыночекъ», много читалъ. Особенное впечатлѣніе на него производили тогда романы Георга Борна, Шпильгагена и Виктора Гюго. Объ его увлеченіи театромъ въ то время можно судить по тому, что, будучи ученикомъ VII класса, онъ написалъ драму «Безотцовщина» и очень смѣшной водевилъ «Не даромъ курица пѣла», которые прислалъ своимъ братьямъ въ Москву. Авторъ этихъ строкъ долго берегъ эти его произведенія, но, пріѣхавъ по окончаніи курса гимназіи въ Москву, Антонъ Павловичъ отобралъ ихъ отъ него и драму разорвалъ на мелкіе кусочки, а водевилъ спряталъ. Будучи гимназистомъ, онъ выписывалъ газету «Сынъ Отечества» и самъ издавалъ рукописный журналъ «Заика», предназначенный имъ специально для старшихъ братьевъ и посылавшійся въ Москву.

Семья Чеховыхъ въ 1875 году.

Внизу: Мих. Павл., Марія Павл., Павелъ Егор., Евг. Яковл., Людмила Павловна (тетка), Георгій Митроф. (двоюродный братъ А. П.).
Вверху: Иванъ Павл., Антонъ Павловичъ, Николай Павл., Александръ Павл., Митрофанъ Георгіевичъ (дядя А. П.).

Въ августѣ 1879 г. Антонъ Павловичъ пріѣхалъ въ Москву поступать въ университетъ. Пріѣхалъ онъ не одинъ; а привезъ съ собой въ качествѣ нахлѣбниковъ еще двухъ своихъ товарищей по гимназій, впослѣдствіи врачей — Д. Т. Савельева и В. И. Зембулатова («Макара»). Это дало возможность семьѣ Чеховыхъ изъ подвального этажа (въ домѣ церкви св. Николая, на Драчевкѣ) перебраться въ лучшую квартиру.

Тогда Павелъ Егоровичъ, послѣ долгихъ мытарствъ, нашелъ себѣ, наконецъ, мѣсто по письменной части въ

Семья Чеховыхъ въ 1875 году.

амбаръ купца И. Е. Гаврилова и получалъ по 30 р. въ мѣсяцъ, которыхъ далеко не хватало. Самъ Павелъ Егоровичъ жилъ у этого купца, у котораго получалъ и столъ, только иногда навѣдываясь къ своей семьѣ, и волею судебъ Антону Павловичу пришлось сразу же, съ первыхъ дней своего пріѣзда въ Москву, стать во главѣ семьи. Началась совмѣстная работа по поднятію матеріальнаго положенія семьи. Работали всѣ, кто и какъ могъ и умѣлъ. Въ ту же зиму Антонъ Павловичъ написалъ въ «Стрекозѣ» свой первый рассказъ «Письмо къ ученому сосѣду». Личность отца отошла на задній планъ. и Антонъ Павловичъ замѣнилъ собой и хозяина дома и отца. Его воля была доминирующей, его мнѣнія стали считаться непогрѣшимыми, и кто знаетъ, что случилось бы со всей семьей, при отсутствіи Александра и Николая, если бы не пріѣхалъ во-время изъ Таганрога Антонъ. Необходимость добывать деньги во что бы то ни стало заставляла Антона Павловича писать рассказы, Николая — рисовать карикатуры, Иванъ вскорѣ пошелъ въ народные учителя, а маленькій Михайлъ переписывалъ студенческія лекціи и дѣлалъ чертежи. Евгенія Яковлевна и сестра Маша работали, не покладая рукъ. Это было трогательное единеніе всѣхъ членовъ семьи, сплотившихся вокругъ одного центра, Антона, и связанныхъ между собой искренней, чуткой дружбой. «Что скажетъ Антонъ?» «Что подумаетъ Антонъ?» «Какъ къ этому отнесется Антонъ?» стало девизомъ для всей семьи. Его литературные успѣхи и неудачи всегда встрѣчали самое горячее сочувствіе всѣхъ членовъ семьи.

Иванъ Павловичъ былъ назначенъ учителемъ приходскаго училища въ заштатный городъ Воскресенскъ, Московской губ. Тогда это былъ маленькій городишко,

скорѣе похожій на небольшое село, съ одной только церковью.

Управлялъ имъ полицейскій надзиратель, котораго громко называли городничимъ; жизнь въ немъ еще не была испорчена дачниками и пришлымъ элементомъ и была очень дешева. Окрестности города съ его монастыремъ Новымъ Иерусалимомъ были прекрасны. Въ городѣ стояла батарея, которою командовалъ полковникъ Б. И. Маевскій, человѣкъ очень общительный и живой. Тамъ проживалъ тогда славянофилъ И. Д. Голохвастовъ, много работавшій по вопросу о земскихъ соборахъ. Жена его Ольга Андреевна писала комедіи и драмы. Кромѣ нихъ, было нѣсколько офицеровъ и батарейныхъ дамъ. Приѣзжая на лѣто къ Ивану Павловичу въ Воскресенскъ, семья Чеховыхъ вошла въ компанію этихъ людей, и когда Антонъ Павловичъ окончилъ въ 1884 г. курсъ университета и тоже приѣхалъ туда же, то его встрѣтилъ тамъ уже порядочный кругъ знакомыхъ. Центромъ всей воскресенской жизни была семья Маевскихъ. У нихъ были дѣти — Аня, Соня и Алеша, съ которыми сдружился Антонъ Павловичъ и которыхъ онъ вывелъ потомъ въ «Дѣтворѣ». Каждый день вся компанія совершала далекія прогулки, играла въ крокетъ; велись либеральные разговоры о политикѣ, увлекались Щедринымъ. Здѣсь Антонъ Павловичъ познакомился съ военной жизнью, что оказало ему впослѣдствіи услугу при созданіи «Трехъ сестеръ».

Теперь Антонъ Павловичъ писалъ уже въ «Осколкахъ». Свои сюжеты онъ черпалъ изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя давала ему воскресенская жизнь. Въ двухъ верстахъ отъ Воскресенска была Чикинская земская больница, которой завѣдывалъ извѣстный тогда земскій врачъ П. А. Архангельскій. Слава его, какъ врача-терапевта, была настолько велика, что къ нему съѣзжа-

лись на практику студенты-медики послѣднихъ курсовъ и даже молодые врачи. Не миновалъ этого и Антонъ Павловичъ. Онъ скоро сошелся съ П. А. Архангельскимъ, сталъ принимать у него больныхъ и вообще любилъ бывать въ Чикинѣ. Эта больница сблизила его съ больными-крестьянами, открыла передъ нимъ нравы ихъ и низшаго медицинскаго персонала и отразилась въ тѣхъ произведеніяхъ Антона Павловича, въ которыхъ изображаются врачи, больные и фельдшера («Хирургія», «Бѣглець», «Токарь»). Пріѣзжалъ въ Чикино и звенигородскій врачъ С. П. Успенскій, молодой человѣкъ изъ семинаристовъ, двигавшій всѣми покровами своего черепа, говорившій на «о» и со всѣми обращающійся на «ты».

— Послушай, Антонъ Павловъ, обратился онъ къ Чехову, — я поѣду въ отпускъ, а замѣнить меня не кѣмъ... Послужи, братъ, ты за меня. Моя Пелагея будетъ тебя кормить. И гитара есть...

Антонъ Павловичъ согласился и, взявъ съ собой своего младшаго брата Михаила, поѣхалъ въ Звенигородъ. Этотъ маленькій городишко отстоялъ отъ Воскресенска на 21 версту и служилъ административнымъ центромъ всего уѣзда. Принявъ на себя завѣдываніе земской лѣчебницей, Антонъ Павловичъ долженъ былъ, за временнымъ отсутствіемъ и уѣзднаго врача, ех *offició* исполнять порученія мѣстной администраціи, ѣздить на вскрытія и быть экспертомъ на судѣ. Пребываніе въ Звенигородѣ далеко не прошло для писателя даромъ: здѣсь онъ посѣщалъ засѣданія уѣздныхъ сѣздовъ и прекрасно познакомился со всѣмъ укладомъ уѣздной чиновничьей жизни. Вообще Воскресенскъ и Звенигородъ сыграли въ литературной жизни Антона Павловича немаловажную роль. На звенигородскихъ впечатлѣніяхъ, напр., основанъ рядъ его рассказовъ («Мертвое тѣло», «На вскрытіи» и т. д.); воскресенскій

почтмейстеръ Андрей Егорычъ описанъ имъ въ разсказѣ «Экзамень на чинъ».

Въ пяти верстахъ отъ Воскресенска жилъ въ своей усадьбѣ Бабкино помѣщикъ А. С. Киселевъ. Племянникъ знаменитаго дипломата-графа и молдавскаго господаря, А. С. Киселевъ былъ женатъ на Маріи Владимировнѣ Бегичевой, дочери извѣстнаго въ свое время красавца и директора Московскихъ Императорскихъ театровъ В. П. Бегичева, описаннаго Маркевичемъ въ его романѣ «Четверть вѣка назадъ» подъ фамиліей «Ашанинъ». Всѣ они безвыѣздно и зиму и лѣто жили въ Бабкинѣ. Приѣзжая на лѣто въ Воскресенскъ, семья Чеховыхъ, естественно, должна была встрѣчаться съ Киселевыми, и дѣло кончилось тѣмъ, что съ 1885 г. Чеховы поселялись на лѣто въ самомъ Бабкинѣ, куда ихъ приглашали Киселевы; тамъ они прожили у нихъ три лѣта подъ рядъ. Семья Киселевыхъ была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ семей, которыя умѣли примирять сословныя традиціи съ высокою культурностью. В. П. Бегичевъ былъ очень увлекательный человѣкъ, чуткій къ искусству и литературѣ, и братья Чеховы по цѣлымъ часамъ засиживались у него въ его по-женски обставленной комнатѣ и слушали, какъ онъ разсказывалъ имъ о своихъ похожденияхъ въ Россіи и за границей. Ему Антонъ Павловичъ обязанъ своими разсказами «Смерть чиновника» и «Володя». Марія Владимировна сама писала въ журналахъ и, страстная рыболовка, по цѣлымъ часамъ стояла съ Антономъ Павловичемъ съ удочкой на берегу и вела съ нимъ литературныя бесѣды. По парку, какъ выражался самъ Антонъ Павловичъ, «бродила тѣнь Болеслава Маркевича», который только за годъ передъ тѣмъ жилъ въ Бабкинѣ и писалъ свою «Бездну». Пѣвецъ, когда-то знаменитый теноръ Владиславлевъ, сдѣлавшій славу популярному романсу «На

горѣ, за рѣкой хуторочекъ стоитъ», жилъ тутъ же, пѣлъ свои аріи и романсы и по полторы минуты выдерживалъ *fermato*. Пѣла и Марія Владиміровна. Киселевы были близко знакомы съ Даргомыжскимъ, Чайковскимъ и Сальвини; въ ихъ семьѣ часто поднимались разговоры о музыкѣ и композиторахъ. Очаровательныя тогда дѣти—дѣвочка Саша и Сережа—бѣгали по расчищенному старому парку, перекидывались съ Антономъ Павловичемъ шутками и остротами и оживляли жизнь. Охотникъ Иванъ Гавриловъ, садовникъ, плотники, мужики, больныя бабы, приходившія лѣчиться, наконецъ, самая природа, рѣка, лѣсъ, соловьи, дали,—все это давало Антону Павловичу сюжеты, настраивало его, и изъ-подъ его пера выходили такіе чисто-бабкинскіе рассказы, какъ, напр., «Налимъ».

Позволю себѣ привести здѣсь то, что я писалъ когда-то о пребываніи А. П. въ Бабкинѣ. Просыпались очень рано. Часовъ въ семь утра Антонъ Павловичъ уже сидѣлъ у себя за столикомъ и писалъ. Писалъ онъ тогда въ «Осколки» и въ «Петербургскую Газету», и во всѣхъ почти рассказахъ того времени можно увидѣть ту или иную картину Бабкина, то или иное лицо изъ бабкинскихъ обывателей или изъ обывателей тяготившихъ къ Бабкину деревень. Обѣдали въ часъ. Послѣ обѣда всей компаніей шли по грибы въ Дарагановскій лѣсъ. Антонъ Павловичъ былъ страстнымъ любителемъ искать грибы и во время ходьбы по лѣсу легче придумывалъ темы. Близъ Дарагановскаго лѣса стояла одинокая Полевщинская церковь, всегда обращавшая на себя вниманіе писателя. Въ ней служили всего одинъ разъ въ годъ, и по ночамъ до Бабкина долетали только унылые удары колокола, когда сторожъ звонилъ часы. Эта церковь, съ ея домикомъ для сторожа у почтовой дороги, кажется, дала Антону Павловичу мысль написать

«Вѣдьму» и «Недоброе дѣло». Возвратившись изъ лѣсу, пили чай. Затѣмъ Антонъ Павловичъ опять писалъ или игралъ въ крокетъ, а въ 8 час. ужинали. Послѣ ужина шли въ большой домъ къ Киселевымъ. Это были превосходные вечера. А. С. Киселевъ и В. П. Бегичевъ сидѣли у стола и раскладывали пасьянсы, гувернантка Елизавета Александровна аккомпанировала, теноръ Владиславлевъ пѣлъ, а всѣ Чеховы усаживались вокругъ Маріи Владимировны и слушали ея рассказы о заграничѣ, о Чайковскомъ, Даргомыжскомъ, Сальвини. Я положительно могу утверждать, что любовь къ музыкѣ развилась у Антона Павловича именно здѣсь. Антонъ Павловичъ шутилъ, былъ всегда веселъ, говорилъ глупости. Художникъ И. И. Левитанъ, жившій по сосѣдству въ Максимовкѣ, а затѣмъ переселившійся въ Бабино, рисовалъ въ альбомѣ крымскіе виды, а Антонъ Павловичъ дѣлалъ подъ его рисунками подписи такого, напр., содержанія: «Видъ кипариса передъ вами, Василиса» (Василисой онъ называлъ въ шутку дѣвочку Сашу Киселеву). Дѣти въ свою очередь называли Антона Павловича «Васей». Когда разъ Антонъ Павловичъ поймалъ карася, то дѣвочка сказала ему въ отместку: «Вася поймалъ карася». Въ эти вечера много говорилось о литературѣ, искусствѣ, смаковали Тургенева, Писемскаго, Щедрина не сходя съ устъ. Много читали. Получались всѣ толстые журналы. Благодаря жизнерадостности и природы, и милыхъ обитателей, Антонъ Павловичъ и самъ былъ жизнерадостенъ. Онъ писалъ, критики его хвалили, сулили ему хорошее будущее, онъ былъ здоровъ. Иногда онъ дурилъ. Бывало, въ лѣтніе вечера онъ надѣвалъ съ Левитаномъ бухарскіе халаты, мазалъ себѣ лицо сажей и въ чалмѣ, съ ружьемъ выходилъ въ поле по ту сторону рѣки. Левитанъ выѣзжалъ туда же на ослѣ, слѣзалъ на землю, разстилатъ

коверъ и, какъ мусульманинъ, начиналъ молиться на востокъ. Вдругъ изъ-за кустовъ къ нему подкрадывался бедуинъ — Антонъ Павловичъ и палилъ въ него изъ ружья холостымъ зарядомъ. Левитанъ падалъ навзничъ. Получалась совсѣмъ восточная картина. А то, бывало, судили Левитана. Киселевъ былъ предсѣдателемъ суда, Антонъ Павловичъ — прокуроромъ, спеціально для чего гримировался. Оба были въ мундирахъ, шитыхъ золотомъ. Антонъ Павловичъ говорилъ обвинительную рѣчь, которая всѣхъ заставляла умирать отъ хохота.

Все текло бы хорошо, если бы не сравнительное безденежье. Въ «Осколкахъ» Антонъ Павловичъ получалъ очень мало и къ тому же не имѣлъ права писать болѣе опредѣленнаго количества строкъ въ мѣсяцъ, а «Петербургская Газета» подчасъ задерживала плату.

Вотъ почему Антону Павловичу часто приходилось напоминать издателямъ о своихъ денежныхъ затрудненіяхъ и большой семьѣ.

Къ этому присоединилась новая тревога: въ 1886 году у Анто́на Павловича опять появилось кровохарканіе ¹⁾. Конечно, развивалась чахотка, но, повидимому, онъ самъ мало въ это вѣрилъ или утѣшалъ себя тѣмъ, что это не чахотка, а простое кровохарканье, и потому попрежнему старался быть веселымъ, не прочь былъ провести время въ пріятельской компаніи и очень мало заботился о себѣ, не придавая, повидимому, значенія своей болѣзни. Съ переѣздомъ на квартиру изъ Головина переулка на Якиманку онъ сталъ спать очень тревожно, его «держало» во снѣ, онъ скрежеталъ зубами, видѣлъ страшные сны. Впослѣдствіи, уже въ Мелиховѣ, его испугалъ во снѣ черный монахъ, послужившій темой для разсказа того же названія.

¹⁾ Въ первый разъ кровохарканье появилось у А. П. въ концѣ 1884 г. Повидимому, оно было не туберкулезнаго происхожденія.

Съ переселеніемъ на Якиманку (1886) началось сотрудничество Антона Павловича въ «Новомъ Времени», специально для него впоследствии открывшемъ беллетристическіе «Субботники». Сотрудничеству въ «Осколкахъ» теперь уже онъ придавалъ менѣе значенія, для него открывалось болѣе широкое поле дѣятельности. Подъ вліяніемъ письма Григоровича, который первымъ привѣтствовалъ его талантъ, А. П. сталъ серьезнѣе относиться къ себѣ и своей литературной дѣятельности. Въ его творчествѣ и настроеніи назрѣвалъ очевидный переломъ. Онъ сталъ разсудительнѣе, все рѣже и рѣже шутилъ, весь отдался литературѣ. Конечно, и годы уже стали брать свое. Къ тому же онъ продолжалъ сильно каплять по ночамъ. Все же попрежнему онъ любилъ вокругъ себя людей, не могъ обойтись безъ нихъ и устраивалъ у себя журфиксы, которые посѣщала бѣдная молодежь, все больше ученики консерваторіи да кое-кто изъ студентовъ.

Совершивъ затѣмъ въ 1887 г. поѣздку на Югъ, А. П. посѣтилъ родныя мѣста, прислалъ оттуда сестрѣ полныя юмора письма, побывалъ въ Святыхъ Горахъ, давшихъ ему сюжетъ для разсказа «Святою ночью». Возвратившись затѣмъ изъ поѣздки въ Москву, Антонъ Павл. снова занялся литературой и написалъ пьесу «Ивановъ», которую и поставилъ на сценѣ театра Корша. Ею заканчивается первый періодъ литературной дѣятельности Антона Павловича.

Мих. Чеховъ.